

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В РАМКАХ ИХ КАТЕГОРИИ ЦЕННОСТИ

Чэнь Сюесун

Аспирант, Московский государственный университет
имени Ломоносова
Cxuesong15@icloud.com

LINGUOPRAGMATIC APPROACH TO THE STUDY OF RUSSIAN AND CHINESE PAREMIOLOGICAL TEXTS WITHIN THEIR CATEGORY OF VALUE

Chen Xuesong

Summary: The article explores the actual problems of the linguopragmatic analysis of Russian and Chinese paremias: paremias are presented as linguistic elements reflecting the realities of the modern culture of Russia and China. The semantic and syntactic characteristics of paremiological texts are considered. All this allows us to determine the linguopragmatic features that depend on the interpretation of paremias. The study of Russian and Chinese proverbs is based on the analysis of the category of value, which characterizes the moral ideas of the Chinese and Russians. In this sense, the linguopragmatic approach to the study of proverbs is productive: it allows us to identify both universal components in the understanding of the category of value, and specific.

Keywords: paremiological text, concept, category of value, linguopragmatic approach, paremias, discursive-pragmatic features, culture.

Аннотация: В рамках статьи исследуются актуальные проблемы лингвопрагматического анализа русских и китайских паремий, представленных в качестве языковых элементов, отражающих реалии современной культуры России и Китая. Рассматриваются семантические и синтаксические характеристики паремиологических текстов с целью определения лингвопрагматических особенностей, находящихся в зависимости от их интерпретации. В основе исследования русских и китайских паремий лежит анализ категории ценности, характеризующей морально-нравственные представления китайцев и русских. В этом смысле лингвопрагматический подход к изучению паремий является продуктивным: позволяет выявить как универсальные компоненты в понимании категории ценности, так и специфические.

Ключевые слова: паремиологический текст, концепт, категория ценности, лингвопрагматический подход, паремии, дискурсивно-прагматические признаки, культура.

В рамках прогрессивного развития международных отношений изучение иностранных языков для российских специалистов стало центральной задачей. Тенденция к интенсивному исследованию внешних и внутренних процессов других языков сформировалась под влиянием открытого образовательного пространства, куда была включена Российская Федерация. Взаимный интерес китайских и русских исследователей породил ряд работ, характеризующих новую проблематику.

Западная наука оказала существенное влияние на зарождение лингвопрагматического подхода в Китае. Как указывают в своей работе О.В. Николаева и Шумэй Чэнь, «теоретические аспекты западной лингвопрагматики, на которых основывалось ее восточное ответвление, было дополнено спецификой китайского языка и его речевой культуры. Китайские лингвисты отразили в новом течении коллективистскую направленность, несвойственную другим языкам» [9, с. 233]. Выделяя общее в лингвопрагматическом подходе, следует говорить о способности его отражать два основных аспекта лингвопрагматики:

- исследование потенциала единиц языка в прагматическом разрезе;
- рассмотрение специфики речевого поведения как объекта межличностных отношений.

Для методики и практики преподавания иностранных языков важна квинтэссенция этих направлений. Анализ паремиологических единиц позволяет оценить речевой потенциал иностранных культур, особенности функционирования языка. Они отражают в себе «все живое и аутентичное, что есть в языке носителя, через паремиологический фонд мы понимаем не только сам язык, но и то, чем живет его носитель, а это ценно для каждого лингвиста» [3, с. 76]. Данный фонд изобилует паремиологическими текстами, которые были сложены в результате смены многих поколений.

Посредством фразеологических клише происходит «погружение в жизнь целого народа» [6, с. 9]. В этом понимании паремии принимают роль национального достояния, выступают в качестве образцов культурного наследия. В их основу заложен практический опыт этноса, эмоции и переживания, пропущенные через призму ху-

дожественных функций. На основе паремий столетиями складывалась ценностная категория, в центре которой отражалась философия восприятия себя как личности и семьи, показателя благополучия и достижения смысла жизни [7]. Формирование паремиологической структуры в отечественной лингвистике относится к XVIII-XIX векам: с этого периода взяло свое начало бережное отношение к *правде*, затем к *времени* и его практическому применению. Такая тенденция объясняет преобладание языковых единиц, направленных на «дарование человеку высшего смысла и разума» [3, с. 79] в качестве показателей этнического развития.

Сравнительный анализ паремий русского и китайского происхождения позволил выявить существенную разницу в культуре этих стран. Так, особым символом для русского человека ознаменована *доброта*, однако для китайцев эта категория воспринимается за слабость. Китайцам присуще более жесткое отношение к сфере переживаний, эмоций, в частности, сожаления и сочувствия. Если носитель русского языка открыто заявляет о своем добром отношении к плачущему или скорбящему, то в китайской культуре это может вызвать даже гнев. Любое излишнее проявление эмоций воспринимается восточными представителями, как вторжение «за пределы личных границ» [9, с. 235]. Важно отметить, что вычленение в дискурсе прагматических значений паремий относится к сложным задачам. Обычное высказывание посредством времени и лица в их грамматических категориях сигнализирует о существовании временной связи с содержанием изречения и с самим говорящим. Однако в случае паремиологических текстов однозначной привязки не существует. В этом случае лингвисты привязывают значение паремий к области деонтической модальности, поскольку действующее лицо в таких высказываниях обобщено и скрыто.

Например, в паремии «*доброе дело два века живёт*» [1] заключено бережное отношение к *делу* как действию человека. *Два века* стали метафорой периода жизни, продолжающейся с уходом приносящего *добро* в иной мир в его детях и внуках, которые будут помнить о поступке и приумножать его. Русские люди того времени были склонны верить, что потомки доброго и прилежного человека обязательно должны перенять его лучшие качества и воспитывать их в себе с двойной силой [11]. Глагол *живет* употреблен в паремиологической единице как отражение длительного процесса, существования с *делом* и *толком*. Сопрягаясь с числительным *два*, он усиливает состояние протяженности, указывая на долгий отрезок, как времени, так и особого отношения говорящего. Произнося эту пословицу, носитель языка показывает свою уверенность и подтверждает существование *доброты* как высшей ценности для русского человека.

Другой пример: паремия «*доброму человеку и чужая болезнь – к сердцу*» [1]. В словосочетании *к сердцу* выражается сфера переживаний и сочувствия, присущие русскому человеку. В данной ситуации пропущенный глагол усиливает эмоциональную сферу и звучит мягче, чем в полной конструкции. В частности, паремия могла бы звучать так: *доброму человеку и чужая болезнь ложится на сердце*.

Наряду с особым отношением к доброте у представителей русского этноса, у китайцев наблюдается аналогичное к терпению и ожиданию. Китайской мудростью предусмотрено ждать и терпеть, а само «*умение ожидать – золото*» [9, с. 239]. Показательной является паремия «*路遥知马力, 日久见人心*» [14] / *преодолев длинное расстояние, ты познаешь выносливость лошади, а через долгое время ты узнаешь, что у человека в сердце* (пер. – авторский). В русском языке отмечается непрямая аналогия: «*нет ничего сильнее времени да терпения*» [1]. В данном случае союз *да* усиливает эмоциональную окраску изречения, отражая специфику употребления служебных частей речи во время зарождения паремии.

Неоспоримым фактом является признание семьи как высшей категории ценности. В каждой стране семья является оплотом и гарантом счастья, а также полноценной жизни человека. В России на первое место ставится ребенок, а также забота о его здоровье и воспитании. Рождение ребенка воспринимается как рождение семьи: с этого момента она становится полноценной, наполняется высшим смыслом, где человек выполняет свое предназначение [2]. Например, паремия: «*двое без мальчика как грядки без огурца*» [1]. *Малец* олицетворяет дитя, новорожденного, который сплачивает семью и является «даром с огорода», «урожаем» этой семьи. Такое сравнение в русской паремиологическом тексте не случайно, а только подтверждает важность труда, который также входит в категорию ценности русского человека. Чтобы получить всходы, за грядками нужно ухаживать, как и за ребенком: пустой огород приравнивался к бездетной семье. Для русских паремий свойственно частотное употребление сравнительного союза *как*.

Кроме того, подтверждением семьи как важнейшей ценности является пословица: «*семья воюет, а одинокий горюет*» [1]. Русская мудрость приписывала молодым людям стремиться создавать и сохранять брак, а одиночество порицалось. В Китае также на высоком уровне принято почитать семью и родителей. Особой любовью и теплом наделена сфера детства: китайцы ценят воспитание и кротость ребенка. Прилежный ученик с открытой душой и признаками хорошего воспитания приравнивается на Востоке к богатству. Однако эти две категории не равны, богатство входит в зону материального блага, которое нужно зарабатывать трудом [2]; ребенок же считается выше материального

и дается Богом.

В этой тенденции можно наблюдать схожесть китайских традиций с русскими. Подтверждением служит китайская поговорка «富贵好, 不如子孙好» [14] / *богатство хуже, чем сыновья* (пер. – авторский). Сын является продолжателем рода своего отца и воспринимается как ценный подарок для семьи от Бога. «今天是蛋, 明天就是能飞的鸟» [14] / *сегодня яйцо, завтра летящая птица* (пер. – авторский). В этой поговорке заложено уважение ко всем этапам развития ребенка. «今日之儿童—明日之世界» [14] / *сегодняшние дети – завтрашний мир* (пер. – авторский). Детство в китайской мудрости воспринимается как начало новой жизни и эпохи. Китайцы считают, что с каждым поколением меняется мир. Кроме того, в детях отражается и продолжается жизнь взрослого человека, его родителя. Прямую аналогию можно найти в русском языке: «наши дети – это мы после нас» [1].

Концепт «дружба» наделен позитивной коннотацией в обеих культурах (друг является высшей ценностью после семьи) [4]. В китайской философии существует иерархия, где на первом месте стоят родители, затем собственная семья и дети, а затем друзья. Отношения между друзьями у китайцев непременно связаны с бескорыстием и верностью. Поговорка «君子之交淡如水» [14] отражает уважение к друзьям и переводится как «настоящая дружба – это чистая вода» (пер. – авторский). На Востоке воде и огню посвящены целые произведения, где они оживают и дополняются красочными метафорами и эпитетами. Сравнение дружбы с чистой водой сигнализирует о признательности и доверии. Чистая вода наполняет организм живительной влагой, как дружба наполняет сердце светом. В России человек скажет следующим образом: «верный друг дороже пшеницы», «не богатство друзья, а друзья богатство» [1].

Среди структурно-семантических особенностей русских поговорок отмечается их многообразие [10]. Они могут быть построены на основе двусоставных предложений. Так, обращаясь к концепту «дружба», ярким примером таких конструкций служит «друзья познаются в беде» [1]. К неопределенно-личным предложениям можно отнести «друзей по рубашкам не выбирают» [1]. В то же время русским поговоркам характерно употребление обобщенно-личных предложений: «с другом в беде не умрешь, в беде без друга не схоронишься» [1]. Наряду с простыми конструкциями в русском языке присутствуют поговорки, имеющие сложную синтаксическую структуру [5]. Как указывалось выше, применение служебных частей речи является частым явлением в поговорочных выражениях. В них союзы *и, да, но* употребляются с одинаковым значением, чаще всего, противительного характера: «друга не торопи, а сам не мешкай» [1]. Большое количество поговорок имеют сложно-подчиненную структуру предложений. Многообразно

значение придаточной части:

- условное – «не уснет враже, коли друг под браже». Своим происхождением данная поговорка уходит к латинским корням, означая собой *верность и преданность* друзей, которые являются ценными друзьями друг для друга и одновременно их союз служит слабостью для врагов. Значение данного поговорочного текста следует интерпретировать дословно: *пока друг одурманен, враг не дремлет* (пер. – авторский). В Древнем Риме часто нападали, пока воины находились под действием вина, постепенно данное крылатое выражение перешло в употребление русской нации;
- целевое – «чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть». Данная поговорка употребляется как для обозначения супругов, так и друзей. Считается, что *пуд соли* можно съесть за три года: в этом случае мера веса принимает на себя значение длительности и протяженности, а также определенного отрезка времени, равному трем годам в позиции с существительным *соль* [4].

При этом бессюзность также характеризует русские поговорки: данная черта прослеживается в поговорочных текстах с концептом «семья»: «живёшь – не с кем покалякать; помрёшь – некому поплакать», «с женой зиму зимовать – горе не знать, одином жить – век тужить» [1].

От дискурсивно-прагматических признаков зависит конечное значение поговорок [12]. Как указывалось выше, для русского народа характерны эмпатия, переживание, утешение. Все эти характеристики складываются в концепт «доброта», так как *добрый* в русском языке – это «комплексное» понятие. Императивной русской поговоркой свойственно выражение утешения: «носи платье – не сметывай, терпи горе – не сказывай» [1]. Посредством поговорочного текста может передаваться условно-следственная связь: «не плюй в колодец, пригодится воды напиться» [1]. Происходит побуждение к действию: необходимо оставаться добрым в любой ситуации, так как принесенный вред может вернуться бумерангом.

Нередко в русском фольклоре встречаются поговорки, имеющие инфинитивные конструкции с модальным значением *просьбы* или *возможности*, а также с оттенком *приказов* или *долженствования*: «службу служить, другу не дружить» [1]. Дискурсивная характеристика русских поговорочных текстов ярко выражается в них. Например, на основе отрицания идентичности построена поговорка «деток родить – не ветки ломить; дом вести – не бородой трясти» [1]. Семантика данных выражений сводится к *нелегкой, трудной задаче*. Следовательно, поговорки необходимо исследовать в ином разрезе, чем обычные высказывания, поскольку поговорки употребляются во вневременном, обобщенно-личном значении.

Их главная особенность – неактуализованность, «агент всегда скрыт» [13, с. 38]. Дискурсивно-прагматическое описание позволяет проникнуть в суть поговорок и определить специфику их функционирования в языке.

Лингвопрагматические характеристики китайских поговорок основаны на принципах доступности, лаконичности. Китайское изречение всегда понятно носителю русского языка. Китайская мудрость всегда пропитана «опытным умом Востока» [9, с. 235]. Китайскую поговорку легко вычленишь из национальных изречений с другими корнями. Привязка к китайской культуре может сопрягаться с использованием классической модели поговорок, который понятен и привычен для русскоговорящего человека. Приводя в пример поговорок с концептом «дружба», следует обратить внимание на данное изречение: 患难见交情 / 患难见知己 [14] / друг познается в беде (пер. – авторский). Поговорка практически дословно переводится на русский язык и не имеет сложных конструкций. В свою очередь, для китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный, поговорок, содержащие уменьшительно-ласкательные формы слов, а также просторечные выражения вызывают затруднения, например: «хороводом друженьку – веночек в реченьку» [1]. Присутствующий суффикс -еньк- создает трудности перевода русской единицы на китайский и одновременно сложен для произношения.

Важной лингвопрагматической особенностью китайской культуры является ее сопряжение с русскими традициями. Например, китайцы, произнося речь, могут сказать, что «я вспомнил одну русскую поговорку...» или «русская поговорка гласит...», что свидетельствует о гармоничном диалоге русской и китайской культур [8, с. 115]. В частности, поговорок с концептом «уважение» 爱屋及乌 [14] имеет явное китайское происхождение. Однако при изучении русского языка, как правило, китайским студентам говорят, что это русская поговорка. Сравним две существующие интерпретации:

- русская поговорка: «любишь меня – люби и мою собаку» [1];
- китайская поговорка: «любишь дом, люби и ворон [на его крыше]» (пер. – авторский).

Общим звеном в семантике этих поговорок является уважение к окружающей среде уважаемого человека:

принимая людей к сердцу, необходимо уважительно относиться к тому, что ему дорого. Особенность лингвопрагматических факторов отражается в переводах русских поговорок на китайский. В основу перевода закладывается коммуникативное воздействие на всех причастных к данному процессу. На переводчика накладывается ответственность сохранить функциональный план поговорок, отразив характерные черты в приводимом контексте.

Еще одной ценностью для китайского народа является боевой и национальный дух. На примере китайских поговорок происходит обучение русских студентов, а также часто они появляются в речи известных людей. В частности, китайская поговорка: 金无足赤, 人无完人; 瓜无滚圆, 人无十全 [14] переводится как: не бывает чистого золота, не бывает безгрешного человека (пер. – авторский). В русском языке: «Иван без изъяна, что дерево без колец» [1]. Русская поговорка «вода и камень точит» [1] имеет эквивалент в китайском 水滴石穿 [14]. В китайских университетах данная поговорка считается ходовой и часто употребляется преподавателями как символ непрерывного труда и упорства. Примечательно, что и в этом случае, некоторые современные исследователи считают ее чисто русской, другие относят к восточной мудрости [8].

Таким образом, данное исследование подтверждает тенденцию слияния двух культур на современном этапе развития. Изучение национальных традиций на основе поговорок является продуктивным. В них отражаются как универсальные компоненты в понимании системы ценностей, так и специфические. Для русского человека характерны доброта и переживание за другого, в Китае же, напротив, это пытаются скрыть. Русский человек старается не показывать свои знания и умения, а доказывает их на практике. Китайцы открыто демонстрируют философские изречения, а любовь к мудрости иллюстрируют в поговорах. Лингвопрагматической характеристикой поговорок является их основа личного и перспективного характера. Для русской поговорок, а также ее перевода на иностранный язык и анализа функционирования ее в контексте, особое влияние оказывает синтаксис. Складывая ценностную категорию для обеих культур, необходимо отметить следующие концепты: дружба, семья, дети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки: сборник. М.: Художественная лит-ра, 1988. 431 с.
2. Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В. [и др.]. Поговорок на перекрестках языков и культур: монография. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2021. 245 с.
3. Бредихин С.Н., Пелевина Н.А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира: монография / под ред. О.А. Радченко. Ставрополь: Параграф, 2021. 171 с.

4. Ван Синьцзюй. Фразеологизмы, характеризующие поведение человека, в русском и китайском языках: дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.20. Уфа, 2018. 215 с.
5. Гуревич В.В. Глагольный вид в русском языке. Значение и употребление: учебное пособие. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 211 с.
6. Катермина В.В., Вульфович Б.Г. Лингвопрагматика комментариев пользователей в политическом интернет-дискурсе: монография. Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2022. 170 с.
7. Кацюба Л.Б. Своеобразие национально-культурных моделей строения паремиологического текста // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. 2009. № 9. С. 11-17.
8. Лу Юйся. Библиейские фразеологизмы в русском языке на фоне китайской лингвокультуры: дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. М., 2019. 248 с.
9. Николаева О.В., Шумэй Чэнь, Панина М.Е. Кросс-культурная паремиология: китайские пословицы и поговорки в англоязычных китайских СМИ // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 233-247.
10. Пэй Сянлинь. Лингвопрагматика в Китае: коммуникативное поведение русских и китайцев глазами китайских лингвистов // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 147-158.
11. Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 24-25 сентября 2020 г.) / под ред. В.М. Мокиенко [и др.]. Кострома: КГУ, 2020. 202 с.
12. Шустова С.В., Раренко М.Б., Попова М.В. [и др.]. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультурализма: коллективная монография / науч. ред. О.А. Радченко. Пермь: Пермский ин-т экономики и финансов, 2021. 186 с.
13. Юсупова А.Ш. Межъязыковая паремиологическая аналогия в родственных языках (на примере татарского и турецкого языков) // Проблемы востоковедения. 2020. № 4 (90). 98 с.
14. 温端政. 中国谚语大辞典 // 上海: 上海辞书出版社, 2011. [Уэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Шанхайское изд-во словарей и энциклопедий, 2011. 733 с.].

© Чэнь Сюесун (Cxuesong15@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

